

ЧАПАЙ

★ Наверное, на каждом заводе и в каждом селе есть такой человек, о котором хочется рассказать людям. И его называют маяком.

Есть такой маяк и у нас на Невинномысском химкомбинате. Этого человека люди прозвали Чапай. И если вы услышите в разговоре о Чапае, знайте, речь идет о главном инженере комбината Вячеславе Михайловиче Низяеве. Он заслужил это имя за умение руководить, за смелость и решительность.

О том, какой Низяев, я и рассказываю в своих новеллах, в основу которых положено три эпизода из его жизни. Только три случая...

Один случай

Первый раз я встретил Низяева на заседании комиссии по подготовке химкомбината к пуску. Он невысокого роста, сутуловатый, мужественное лицо иссечено паутиной морщин. Вячеслав Михайлович сидел в самом углу за столом, который был завален чертежами, и все время что-то писал в блокноте.

На комбинате все было готово для того, чтобы мощные цеха по производству минеральных удобрений могли вступить в строй. Государственной комиссии осталось подписать акты и таким образом дать комбинату путевку в жизнь. Но неожиданно из Всесоюзного научно-исследовательского института пришло письмо, которое категорически запрещало пуск комбината до тех пор, пока не будет проведена опайка внутренних частей блока разделения воздуха. По этому случаю и собралось экстренное заседание комиссии. Здесь же находились строители, монтажники, эксплуатационники. Разговор затянулся почти до утра. Все ломали головы над грозным распоряжением и не знали, как поступить. Если выполнить его, значит, сорвать правительственный график пуска и выдачу минеральных не меньше чем на три месяца. А если не выполнить, значит, взять на себя ответственность за все взрывоопасные узлы.

— Почему опайка не предусматривалась в проектах? — спрашивали инженеры директора комбината. — Кто будет отвечать за срыв графика?

Люди говорили, говорили... И только один он сидел молча над чертежами и черкал и черкал в своей записной книжке...

Когда все устали от разговоров и в конце концов согласились с распоряжением института, из-за стола поднялся Вячеслав Михайлович Низяев:

— Соблюдение правительственного графика — дело нашей совести, — сказал он сердито. — Товарищи, блок разделения должен работать, мы не имеем права остановить его...

— Не рискованно ли это? — заметил кто-то. — А если взрыв?..

— Да, рискованно, — ответил Низяев, — но если произвести расчеты...

Он подошел к черной доске, взял мелок и, ломая его, начал быстро писать формулы. Математическая логика его расчетов была неопровержима. В глубокой тишине люди следили за каждым движением руки Низяева, вслушивались в каждое его слово и удивлялись. Какую надо иметь память, чтобы воспроизвести сложнейшие расчеты за несколько минут?

— Тут мы дело имеем с химией. А химик ошибается один раз, — говорил Вячеслав Михайлович после каждой формулы и бросал взгляд на присутствующих. — Я не хочу ошибаться и один раз. Это слишком много и потому не колеблясь беру на себя ответственность. Блок и без опайки будет работать как миленький.

— А Чапай говорит языком формул, — сказал кто-то в зале. — Ишь, раскидал свои «картошки» на доске!

— Почему Чапай? — спросил я своего соседа начальника планового отдела Мочнева.

— Так давно прозвали Низяева. Наверное, вот за эту смелость и решительность. Чапай, и только!

Комиссия согласилась с расчетами главного инженера и решила не затягивать сдачу комбината в эксплуатацию. А к опайке

блока приступить тогда, когда вступит в строй второй блок.

Месяца, через два я встретился с Мочневым и спросил его:

— Ну, как там живет ваш Чапай?

— Воюет. Сейчас взялся за мочевины. Молодых инженеров поднял, чтобы на два года раньше дать карбамид, и теперь вместе с ними ушел в атаку на расчеты. А что? Добьется своего наш Чапай...

— Добьется,— согласился я, вспомнив случай, о котором уже рассказал.

Второй случай

Собрание подходило к концу. Выступающие, как и подобает, говорили без обиняков. Одних они похвалили за добрый труд, других публично отчитали за нерадивость. И все сошлись на том, что в наше ответственное время надо работать так, чтобы удвоить выпуск химической продукции. За это проголосовали единогласно.

Председатель собрания, молодой, улыбчивый аппаратчик, довольный единодушием, собрался объявить, что повестка дня исчерпана, как вдруг из задних рядов поднялся высокий, в замасленной спецовке парень и закричал:

— Товарищи, прошу слова. Только одну минутку прошу!

В зале наступила тишина. Глядя на взволнованное лицо парня, все подумали, что человек хочет сказать нечто очень важное и срочное.

— Товарищи, есть у нас такой указ

правительства о семичасовом рабочем дне? Есть! Очень правильный указ. Но его нарушают. Почему?

— А кто нарушает? — спросили у парня из зала.

— Чапай наш. Скажите, кто ему дал право целыми сутками не уходить с комбината? Вношу предложение. Запретить Чапаю работать сверх семи часов!

— Верно! — раздалась в зале крики.

Председательствующий немного растерялся, постучал карандашом по графину и сказал:

— Так ведь это потому, что обстановка требует. Низяев не может иначе.

— Не может?!

Голос председателя потонул в шуме других голосов.

— Голосуем за предложение!

Да, все требовали голосования. И зал начал успокаиваться после того, как около президиума появился главный инженер.

И вот настала полнейшая тишина. Люди ждали, что скажет им человек с усталым лицом и искристыми живыми глазами. А он сказал так:

— Правильно, товарищи, не укладываюсь я в семичасовой трудовой день. Не укладываюсь. Но... — Он минуту помолчал, улыбнулся.— Но, понимаете, какая штука. Стране нужен карбамид. А это масло и мясо...

В зале раздалась бурные аплодисменты. Люди поняли Низяева и согласились с ним, что стране очень нужен карбамид. А раз так, то можно иногда нарушить Указ о семичасовом рабочем дне, для дела ведь, для очень важного дела!

Третий случай

Секретарь парткома комбината, спокойный и заботливый Яков Яковлевич Кундеренко однажды пригласил к себе главного инженера химкомбината и сказал ему:

— Послезавтра состоится краевое совещание работников сельского хозяйства. Выступи, Вячеслав Михайлович, с докладом о перспективах нашего комбината. Люди просят.

Низяев потер ребром ладони свой высокий лоб и, не поднимая взгляда, спросил Кундеренко:

— Это что, обязательно надо?

— Конечно. Надо ведь и нам заниматься химизацией сознания людей. Это

дело не только писателей...

Низяев кашлянул в кулак, улыбнулся.

— Видишь ли, батенька мой, доклады я делать не мастер. Боюсь.

— А надо!

Низяев со вздохом кивнул и, надвинув на лоб фуражку, ушел.

Для страховки Кундеренко крикнул вдогонку:

— Так это точно? Могу сообщить в Ставрополь, что на совещании выступит Низяев?

— Сообщи,— ответил Низяев.

И вот настал день совещания. Низяева нигде не видно. Совещание началось, а Низяева нет. Где же он? Стали звонить на комбинат. Мол, пропал «химический» докладчик, ищите его и везите скорее. В парткоме с ног сбились, но не нашли Вячеслава Михайловича и развели руками.

Так и позвонили в Ставрополь, что Низяева в Невинномысске нет, а где он, неизвестно.

Весть об исчезновении «химического» докладчика глубоко опечалила организаторов совещания. И они начали по телефону упрекать директора комбината Победоносцева в том, что он не обеспечил явки Низяева. А директор ничего не знал, как разыскивали его инженера, удивился и сказал:

— Не может быть, чтобы не было Низяева! Он на совещании. И наверняка сидит на задних рядах. Не любит наш Чапай впереди красоваться...

И действительно, Низяева нашли в самом конце зала. Сидел скромненько и слушал, думал, когда надо будет, его, очевидно, позовут и он выступит. Откуда он знал, что из президиума его не видно и что из-за этого его искали битых два часа.

Может показаться, что это мелкий эпизод из жизни Низяева, но в нем отразилась скромность Вячеслава Михайловича, скромность настоящего коммуниста.